

Anna Tokarewicz

Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СТАРООБРЯДЦА

Key words: Old Believers, Old Believers' dialects, linguistic identity, communicative identity

Сокращения

ж. род – женский род

М – мазурский район

русс. – русский язык

SGS – *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce*

SRNG – *Словарь русских народных говоров*

Введение

В настоящее время войновская община старообрядцев полностью разрозненна – ее членами являются не только местные жители Войнова и соседних деревень, но также старообрядцы, находящиеся в эмиграции (Германия). Некоторые исследователи, например, Анна Зелиньска, говорят даже о полной дезинтеграции мазурских старообрядцев, имея в виду не только постепенно сокращающееся количество верующих, но также исчезающие язык и культуру старообрядцев [Zielińska 1996: 50–54]. Утрата ценностной культуры старообрядцев – это результат миграционного процесса и структурно-экономических перемен, которые произошли в течение последних десятилетий в Польше. Культура и образ жизни старообрядцев не имеют уже изоляционного характера.

Старообрядцы-беспоповцы, активно участвующие в религиозной жизни общины, не соблюдают строгого устава, регламентирующего жизненные

устои и поведение, который еще в первой половине прошлого века выделял эту группу среди других религиозных и этнокультурных меньшинств.

Исследования, направленные на изучение актуальной для настоящего времени языковой и культурной ситуации мазурских старообрядцев, нуждаются в выработке нового подхода, который будет учитывать как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Для исследования старообрядческой войновской общины наиболее актуальным подходом, по нашему мнению, является лингвокультурологический, поскольку он учитывает, как лингвистические факты, так и экстралингвистические – культурные, исторические, этнологические, фольклорные и др.¹

1. Представитель старообрядческой общины как языковая личность

Каждый языковой коллектив и индивид, являющийся частью какой-либо общности, – это хранитель и носитель культуры в языке. Таким образом, немногочисленные уже представители войновской старообрядческой общины² являются бесценным источником знаний о прошлой жизни, традициях, обычаях, запечатленных в их сознании. Данное подтверждается словами русского лингвиста Владимира Карасика:

Носителем языкового сознания является языковая личность, т. е. человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и в смыслах текстов [Карасик 2002: 7].

До настоящего времени исследование диалектной речи старообрядцев в Польше осуществлялось в сугубо лингвистическом плане в соответствии с системно-структурной парадигмой (И. Грек-Пабис, И. Мариняк и др.). Пришедшая на смену системно-структурной антропоцентрическая парадигма в центр внимания ставит человека и его место в культуре. В настоящей статье обращаемся к изучению языковых способностей и компетенций индивида, так называемой **языковой личности** (далее ЯЛ)³. Теоретическую базу иссле-

¹ Подробное описание и разработка данного подхода излагаются в монографии А. Камаловой и Л. Савеловой, *Лингвокультурологическое описание северной русской деревни*. Архангельск, Поморский университет 2007.

² По данным 2007 г., представленным наставником войновской общины Г. Новиковым, к ней относятся 42 верующих.

³ Понятие „языковая личность” введено российским лингвистом, Ю. Карауловым. В своей работе *Русский язык и языковая личность*, ученый разрабатывает понятие языковой личности следующим образом: „совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью” [Караулов 2010: 3–8].

дования составляют работы российских лингвистов Юрия Караулова, Владимира Карасика, Екатерины Иванцовой, посвященные различным аспектам изучения ЯЛ [Караулов 2010; Карасик 2002; Иванцова 2002].

Избранная нами личность – это представитель войновской старообрядческой общины из деревни Галково, женщина пожилого возраста, которая все же активно участвует в религиозной жизни общины: посещает церковь, молится, соблюдает посты. Беседы с информантом проходили в 2011–2012 гг. во время научных экспедиций, проведенных в мазурском старообрядческом центре. Темы бесед относятся к бытовой и религиозной сферам жизни рядового старообрядца: „Дом”, „Квартира”, „Семейные отношения”, „Продукты питания”, „Постные блюда”, „Обучение в дошкольном возрасте”, „Пост” и др.

Выбор старообрядца как конкретной ЯЛ мотивирован на основании следующих показаний. Во-первых, данная личность является рядовым носителем языка, а не представителем некой элитарной группы (о чем свидетельствуют многие работы, посвященные речевым портретам писателей, поэтов, деятелей истории, искусства) [Иванцова 2002: 14–16]. Во-вторых, это представитель религиозного и культурного меньшинства в Польше – старообрядцев-беспоповцев. В-третьих, ЯЛ является представителем старшего поколения, которое сохранило в памяти не только элементы традиционной культуры старообрядцев, но также диалектную речь старообрядцев мазурского района⁴.

2. Ценностный аспект изучения языковой личности

На данном этапе исследования следует учесть ценностный аспект изучения ЯЛ, который, по Карасику, характеризует каждую цивилизацию, этнос, группу, в том числе и личность. В работе автора данный аспект непосредственно относится к **коммуникативной личности** (языковая личность в условиях общения), которая составляет своего рода обобщенный образ носителя культурных ценностей, знаний, установок [Карасик 2002: 19]. Ценностный аспект ЯЛ проявляется в нормах поведения, закрепленных в языке в форме универсальных высказываний, прецедентных текстов, кроме того „ценностные ориентиры языковой личности прослеживаются в любом из типов дискурса, будь то обыденное или институциональное общение” [Карасик 2002: 28]. Каждая общность, в том числе и старообрядческая, обладает определенными принципами поведения. В старообрядческой общине поведенческие нормы закреплены в строгом религиозном кодексе, согласно которому надо соблюдать

⁴ Это так называемый старообрядческий говор или „войновская речь” характерна для мазурского старообрядческого района, которая является смесью трех языков: польского, русского и немецкого.

не только многодневные и однодневные посты, но также ряд запретов бытового характера.

Необходимость соблюдения старообрядцами строгого религиозного кодекса подтверждается польским исследователем культуры старообрядцев, Эугениушем Иванцем:

Jadłospis staroobrzędowców ulegał poważnym zmianom w czasie postów, których przestrzeganie do dziś jest jednym z najważniejszych nakazów religijnych. [...] Szanujący się staroobrzędowiec wolałby raczej umrzeć, aniżeli w czasie postu zjeść coś mięsnego czy mlecznego. Nie robiono wyjątku nawet w stosunku do chorych. [...] Większość staroobrzędowców zamieszkałych w Polsce jeszcze przed wybuchem II wojny światowej pod względem swego stosunku do postów niewiele się różniła od ogółu społeczeństwa rosyjskiego w XVI–XVII wieku w Rosji [Iwaniec 1977: 241–242].

О степени сохранности подобных запретов можем сделать предварительные наблюдения, проанализировав разговор с информантом о Великом посте и духовной подготовке к Пасхе.

Информант хорошо знает, что невыполнение религиозных предписаний и запретов есть грех, а грех „как нарушение закона, идущего от Бога влечет наказание” [Гынгазова 2007: 18]:

choć też jest grzechem mleko / grzechem jest i ten twaróg [...] zawsze mnie może Pan Bóg rozgrzeszy / żebym tylko takie miała grzechy / bo jeszcze wiele innych gorszych popełniam (смеется).

В данном высказывании появляется оценочный компонент. С одной стороны информант отрицательно оценивает свое поведение, но, с другой – надеется на божественное милосердие, оправдываясь незначительностью совершенного поступка. Информант осознанно рассуждает о необходимости соблюдения Великого поста, но в то же время искренне признается, что из-за проблем со здоровьем она сейчас не в состоянии соблюдать строгий пост:

ja nie będę tak przestrzegała postu [...] wędliny ani w środę / ani w piątek już nie ruszę // może wykluczę żółty ser // a na twaróżek to ja muszę się skusić / **bo ja mam często anemię** //

Этические и утилитарные нормы поведения наиболее ярко выражены в пословицах и фразеологических оборотах. Сказанное относится к религиозному уставу старообрядческой общины. В ниже приведенной поговорке – „nie to jest grzechem / co człowiek weźmie do ust / zje / tylko to / co z tych ust wychodzi” (слова принадлежат тете информанта) – выступает явное противоречие между реальным поведением, его оценкой и указаниями религиозного устава. В настоящей поговорке „следование нравственным нормам определяется не Божественным откровением, а прежде всего традиционным установлением социума” [Гынгазова 2007: 18]. Таким образом, информант как представитель некоего социума – старообрядцев-беспоповцев – придерживается тем указаниям и нормам поведения, которые вынес из своего родного дома.

Отношение ЯЛ к греху, религиозным запретам ориентировано на наивное представление о религии, закрепленное в сознании каждого рядового жителя небольшого, замкнутого социума, каким является старообрядческая община.

3. Параметры описания языковой личности

При изучении коммуникативной личности следует учесть три параметра: мотивационный, когнитивный и функциональный. На данном этапе исследования самым актуальным является мотивационный параметр, определяющий коммуникативные потребности каждой ЯЛ.

Степень мотивированности определяется силой потребности, которая концентрируется в коммуникативной установке как важнейшей социологической доминанте коммуникации [Конецкая 1997].

Изучаемая ЯЛ в настоящее время не имеет коммуникативной потребности общаться на русском диалектном языке и на немецком языке. Поэтому беседы, которые проводились с информантом на русском языке, вызваны искусственной коммуникативной потребностью. Об этом свидетельствует отрывок разговора, в котором спрашивающий обращается с просьбой к информанту говорить только на русском языке:

– Просим прощения, говорим только по-русски.

Информант: – По-русски говорим?

– Да, говорим по-русски.

Информант: – Ой, ой, ой! (смеется). Хорошо, помогите, если что.

4. Вербально-семантический уровень языковой личности

В начальной стадии исследования ЯЛ важным этапом является характеристика вербально-семантического уровня ЯЛ. По Караулову, в его состав входят отдельные слова, вступающие в грамматико-парадигматические, семантически-синтаксические отношения, которые реализовываются в стереотипных словосочетаниях, простых предложениях и фразах [Караулов 2010: 52]. ЯЛ как член старообрядческой общины – это особый тип личности, поскольку в его языке обнаруживается языковая интерференция трех языков: польского, немецкого и русского. Именно трехязычие является основой языковых компетенций мазурского старообрядца. Насколько актуальны эти компетенции, мы могли убедиться, проанализировав магнитофонные записи бесед с информантом.

Итак, языковой базой диалогов и монологов были польский и русский языки. Следует сказать, что данная ЯЛ обладает знанием не только русской

диалектной речи, но практически свободно владеет русским литературным языком (по профессии она филолог-русист).

Отрывок высказывания информанта на русском языке:

как мама говорила / то у нас была такая печка / такая русская печка // можно было сидеть высоко / а там ещё что-то варили не варили [...] зимой как мне холодно / то вхожу на эту печку / грею ноги и зима не страшна //

В повседневной жизни информант пользуется только польским языком.

Пример высказывания информанта на польском языке:

tkać to tkali w domu / prawie że w każdym domu były krosna // jedno krosno do chodników. // przedtem to tkali jeszcze i materiał – len // [...] moja ciocia miała tkalnię w Wojnowie // ona tkactwem się zajmowała // [...] to było sprzedawane do cepelii // tam miała kilka osób / dziewczyny tam u niej były i robiły właśnie różne rzeczy // nawet takie rzeczy drobne jak zakładki do książek [...] //

Немецкий язык в настоящее время является вторичным, поскольку информант не пользуется им активно, как правило, в общении с представителями старообрядческой войновской общины и с родственниками, переехавшими в Германию.

Запись речи информанта позволяет предварительно судить о качественной характеристике идиолексикона информанта. С точки зрения распределения лексических единиц по грамматическим классам, лексикон ЯЛ состоит в преобладающей степени из конкретных имен существительных (названий блюд, продуктов, предметов домашнего обихода и под.), например: *b'ul'b'išn'icъ* (картофельный суп), *m'ak'uškъ* (пирог с маком), *g'uščъ* (кушание из каши и гороха), *al"ej* (растительное масло), *br'ytk'i* (булочки), *kudr'ofkъ* (коврик), *l'ež'ankъ* (место на печке, приспособленное для сна), *z'edl'ik* (табурет).

Словарный запас ЯЛ можем разделить на активный и пассивный. Активный словарь – это общеупотребительная лексика (на польском и русском языках). К пассивному лексическому запасу относим диалектизмы, слова заимствованные из немецкого, которые являются характерными для мазурского старообрядческого говора.

Выявим основные черты старообрядческого говора в речи информанта. В записях, которые привлекались к исследованию, обнаружено 13 диалектизмов. Большинство лексем принадлежит к тематической группе „Еда”. На основе критериев Ирыды Грек-Пабис, к диалектным словам относим следующие:

- а) имеющие общий с русским литературным языком корень, но иную семантику, грамматическую форму или особенности произношения;
- б) слова, которые не относятся к русскому литературному языку, поскольку они характерны либо для польских старообрядческих говоров, либо старообрядческих или средневеликорусских говоров [Grek-Pabisowa 1983: 37].

Выявленные в речи информанта диалектизмы подразделяются на следующие группы:

- грамматические: *kaf'ejъ* – ж. род (русс. ‘кофе’ – м. род);

- словообразовательные: *pr'ystak''iš'ь* (русс. 'простокваша'), *vang'or'* (русс. 'угорь');
- собственно лексические:
bark'an 'marchew' (SGS, M 'marchew'; SRNG **баркан** 'морковь'),
b'ul'b'išn'ic'ь 'kartoflanka' (SGS, M 'krupnik z kartoflami'),
kudr'ofk'ь 'chodnik' (SGS, Im M *kudr'ofk'i* – 'chodniki'),
m'ak'ušk'ь 'makowiec' (SGS, 'ciasto drożdżowe'),
skr''ečk'i 'skwarki' (SGS, *skr''ečk'ь* 'skwarka'),
kr'ep'ox'ь 'nadzienie z ziemniaków z kaszą' (не отмечается в SGS),
s'eč'ox'ь 'danie z ziemniaków, z kaszą' (не отмечается в SGS),
SRNG сечёха 'кушанье из мелко порубленного тушеного картофеля'),
pytal'aj'i || *pytol'aj'i* 'postna babka ziemniaczana' (не отмечается в SGS и SRNG);
- семантические: *most* 'пол в избе', *paх'at'* 'мести, подметать пол'.

Приведенные примеры диалектной лексики старообрядческого говора, кроме сугубо лингвистической информации, обладают также этнографическим и культурным компонентами (так называемые этнографизмы). Слова, называющие традиционные постные блюда – собственно лексические диалектизмы, представляют определенный участок языковой картины мира польских старообрядцев, который тесно связан с религиозной сферой жизни старообрядцев. Подтверждают это слова Иванца:

W zakresie pożywienia staroobrzędowcy zawsze dość poważnie różnili się od okolicznej ludności w Polsce. Do dziś zachowali w pewnej mierze kuchnię narodową, co nierozłącznie wiąże się z tradycją religijną. Zmuszała ona ich do rygorystycznego przestrzegania postów oraz wykluczała całkowicie spożywanie niektórych pokarmów [Iwaniec 1977: 232].

Таким образом в лексической системе русских старообрядческих говоров, сформировавшихся в иноязычном окружении (польско-немецкое окружение для территории бывшей Пруссии), важную роль играет „**религиозное обособление диалектного сообщества**, иногда дополняемое миграцией в другой языковой ареал” [Радченко, Закуткина 2004: 44].

5. Роль текстов в изучении языковой личности

В изучении ЯЛ акцент ставится не только на речевую способность информанта, но прежде всего на ее результат – тексты. По словам Иванцовой, ЯЛ понимается именно как „личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах” [Иванцова 2002]. Поэтому в рамках антропоцентрической парадигмы наступил поворот к изучению речевых жанров – продуктов речевой деятельности говорящего человека [Казакова 2004]. В речи информанта обнаружены как простые жанры

информативного характера (объяснение), так и сложные (рассказ-воспоминание, рассказ-объяснение).

Примеры:

1. Объяснение – жанр, который доминирует в речи информанта. Он выполняет, важную роль, поскольку в нем „отражены элементы сельского быта, которые со временем могут оказаться забытыми” [Казакова 2004].

обора / ‘oboga’ / no to по-пóл’ск’и мы пон’имаём obóga / no to gd’e tam stoi býdlo // a зд’ес’ обóра – podvúrko [...] //

сахарь / [...] to był са́хыр’ / tak nazyvá’i / [...] to był cuk’er f kóstkah / (a cuk’er syrpk’i?) / a to była muškabata// [...] bo са́хар’ то фс’о брал’и к чайкú / на прику́ску //

2. Рассказ-объяснение (рецепт), который содержит такие компоненты, как название предмета, способ приготовления, способ применения, внешний вид [Казакова 2008].

Стынка тушёная – рецепт

bárzo čénsto rob’íla bábč’a / rob’íla máma i róbb’e teš ja / dušónq // to znácy náip’erf na patél’ni tróxe pod:úše cebúlkę / pótem rýpkę posolónq // pótem iéšče trošéčke ná v’ešx cebúlk’i // trošéčke tylko tlušču / bárzo málo / iak’eiš ol’ivy / čy oléju / no i podlévam vódq i to še dúši // póza,tym iéšče ja na pšýklat bárzo lúb’e do rýp nátk’i p’etrúškę dodávač // <...> pot kónec dodáje trošéčke ná v’ešx v’úrk’i masélka // no i to jest súper iezéne //

3. Рассказ-воспоминание

История появления помидоров в селе

в начал’е двацáтава в’эка он’и н’е знáл’и што это такóе // когда он’и éз’дил’и ф сады / и там был’и йáблок’и и грушы в эт’их садах у богáтых л’уд’ей // тогда они в’ид’ел’и што в огорóд’е штó-то раст’ót такóе инт’ер’есново крáсново / сначáла з’ел’óные / пóсл’е крáсные // и máма раскáзывала / он’и срывáл’и и бросáл’ис’ / этó н’е фкúсные был’и / што этó такóе? //[...] у máмы былá ужэ д’éc’ат’ л’ет / ешчó ран’шэ н’е éла (смеетсá) // но и потóm бáбушка: посмотр’ит’е / этó н’е такóе плохóе / ну и вз’ал’и паsóна и пос’ейáл’и дóма / и так пойáвил’ис’ tumáty / bo to z n’em’eck’ého //

6. Выводы

Первые опыты исследования языковой личности старообрядца позволяют убедиться в несомненном факте, что данная языковая личность уникальна. Её уникальность заключается не только в коммуникативных способностях, но прежде всего в способности воспроизвести по памяти элементы русской диалектной речи. Обращение к изучению конкретной языковой личности в данной языковой и социальной ситуации, сформировавшейся в Мазурии, весьма целесообразно, так как позволяет пошагово реконструировать языковую картину мира мазурских старообрядцев.

Библиография

- Гынгазова Л.Г. (2007). *Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и ее реинтерпретация исследователем*. Вестник Томского государственного университета 295. Томск, с. 15–19.
- Иванцова Е.В. (2002). *Феномен диалектной языковой личности*. Томск.
- Казакова О.А. (2004). *Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте*. Дис. канд. филол. наук. Томск. Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://www.lib.uai-gu.net/diss/cont/92859.html>>. Дата доступа: 10.04.2012.
- Казакова О.А. (2008). *Функционирование высказываний-комментариев в дискурсе диалектной языковой личности*. В: *Комментарий и интерпретация текста. Межвуз. сб. науч. тр.* Новосибирск, с. 93–101.
- Камалова А.А., Савелова Л.А. (2007). *Лингвокультурологическое описание северной русской деревни: учебное пособие*. Архангельск.
- Карасик В.И. (2002). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград.
- Караулов Ю.Н. (2010). *Русский язык и языковая личность*. Москва.
- Конечная В.П. (1997). *Социология коммуникации*. Учеб. Междунар. ун-т Бизнеса и Управления. Москва. Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://lib.socio.msu.ru/libragy>>. Дата доступа: 17.04.2012.
- Маслова В.А. (2001). *Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений*. Москва. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/index.php>. Дата доступа: 15.04.2012.
- Радченко О.А., Закуткина Н.А. (2004). *Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен*. Вопросы языкознания 6, с. 25–48.
- Филин Ф.П. (ред.) (1965–2006). *Словарь русских народных говоров*. В 4 т. Москва–Ленинград (Санкт-Петербург).
- Grek-Pabisowa I. (1983). *Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Rozwój i stan dzisiejszy*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź, PAN, Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I. (1980). *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, PAN, Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Iwaniec E. (1977). *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w.* Warszawa, PWN.
- Zielińska A. (1996). *Wielojęzyczność staroobrzędowców mieszkających w Polsce*. Warszawa, Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy.

Summary**Some Aspects of the Old Believers' Linguistic Identity**

The article provides description of the Old Believers' linguistic identity. We have chosen a person – a member of the Masurian Old Believers' *bespopovtsy* community from Galkovo. In a study of verbal-semantic level of linguistic identity we found lexical dialects, which are typical for Masurian Old Believers, but we also noticed the genre aspect of her speech, motivational parameter and sphere of values which is one of the aspects of an Old Believers' linguistic identity.